

*Полностью книга «ФАЗИЛЬ» выходит осенью 2021 г.
в издательстве АСТ «РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНЫ ШУБИНОЙ»*

ВСТУПЛЕНИЕ

Евгений Попов: На наших глазах мир сходит с ума. Не тот советский, что «во всём мире» плюс «дружба народов», а МІР вообще. Распад! Америка, которая всегда была светом в окошке для уставших от «развитого социализма» россиян, целует ботинки неграм, чопорная Англия венчает однополых, изящная Франция громит собственные архитектурные объекты, правительство вольномыслящей Голландии в полном составе подало в отставку из-за многомиллионных махинаций с денежными пособиями... Беспорядки в Германии, Испании, Бельгии... Враньё, фейки, науськивание. И так далее. Нам это надо?

Михаил Гундарин: Нам это не надо. Но причём здесь Фазиль Искандер, который ушёл из жизни пять лет назад?

Е.П.: А при том, что я всё время думаю о нём, вспоминаю наши об-

щие дела, встречи, разговоры и медленно начинаю понимать, что он, пожалуй, был главной литературной персоной конца XX века, противостоящей этому распаду. Он не «пас народы», не командовал, не лез в учителя, идеологи или «властители дум», но он, самое главное, ЗДРАВО МЫСЛИЛ и умел излагать эти мысли на бумаге. С помощью своих великих персонажей и Богом ему данного писательского таланта.

М.Г.: Позвольте, но в это же время существовали Аксёнов, Шукшин... Солженицын, наконец, чья главная книга потрясла мир почище, чем «10 дней...» американца Джона Рида, которого Ленин велел похоронить на Красной площади у Кремлёвской стены...

Е.П.: Солженицын — это отдельная тема. Перефразируя Евтушенко, можно сказать, что он в России «больше, чем писатель». А вот Аксёнов и Шукшин — да. Два великих Ва-

сия русско́й литерату́ры. Фази́ль — третий великий. Ведь при крещении в правосла́вную ве́ру он взял имя Васи́лий, совершенно созвучное имени Фази́ль. А «фази́ль», в свою очередь, в переводе с ара́бского означает «та́лантливый», «образова́нный». Видите, всё совпадает. Даже это:

Ф — умение приспособляться, нежность, оригинальность идей, способность приврать;

А — сила и власть;

З — склонность к сомнениям, материальные трудности, неудовлетворённость, высокая интуиция;

И — впечатлительность, реализм, тонкая духовность, миролюбие;

Л — логика, изобретательность, музыкальность;

Б — способность к классификации, раскладыванию по полочкам.

Понимаете, великий Аксёнов — певец распада России, исследователь её мерзостей и таинственных воспарений, многим одно время казавшийся стилигой, «штатником» и баловнем судьбы. Великий Шук-

шин — плоть от плоти и душа народная, которая «не жалеет, не зовёт» и пытается не плакать. Ну, а великий Искандер — ТРЕТИЙ ДРУГОЙ. Он не подвержен сиюминутному, не продуманному, не выверенному, не оснащённому вековой мудростью предков. Он стоит на пути хаоса, он не подвержен экзальтации, преувеличениям, истерике. Он за эволюцию, а не за «бунт бессмысленный и беспощадный». Родившийся на Кавказе, Искандер является ИМПЕРСКИМ писателем, и ничего дурного в этом определении нет. Ведь в эпике крохотного горного села Чегем, как в капле волшебной воды, отразились все страсти минувшего века, сюжеты существования людей XX века на огромном имперском пространстве от Владивостока до Калининграда, в которое и Кавказ входит, и Средняя Азия, и Сибирь, и Дальний Восток. Искандера читающая интеллигенция долгие годы воспринимали сначала как красивого, но среднего поэта из плеяды «Юности», потом как

Гундарин Михаил Вячеславович (1968 г.р., Дзержинск Горьковской обл.) — закончил факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, жил на Алтае. Заведует кафедрой в Российском государственном социальном университете. Кандидат философских наук, доцент, Почётный работник высшего образования. С литературно-критическими статьями и эссеистикой публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Юность», «Урал», «Сибирские огни», «Алтай», автор нескольких книг стихов и прозы, член Союза российских писателей и Русского ПЕН-центра.

Попов Евгений Анатольевич (1946 г.р., Красноярск) — автор 20 книг прозы, переведённой на множество языков, лауреат многочисленных литературных премий. Один из основателей (с 1989) и Президент Русского ПЕН-центра (с 2016), ассоциированный член Шведского ПЕН-центра (с 1980), секретарь Союза писателей Москвы. Заслуженный работник культуры РФ. Критики и литературоведы называют его «самым весёлым анархистом российской словесности» и отмечают: его проза «одновременно прекрасна и безобразна, ясна и туманна, трезва и ясна, как русский человек», что позволяет им считать его одним из самых ярких современных национальных писателей, идущих вслед за М. Зощенко, В. Аксёновым и В. Шукшиным.

сатирика — юмориста — анекдотчика — антисоветчика типа Владимира Войновича при всём уважении к Владимиру Николаевичу, которого я тоже хорошо знал. И лишь время определило его подлинный масштаб. Если искать приблизительные поэтические литературные аналоги в начале прошлого века, то Аксёнов — это будет вам Маяковский конца XX века, Есенин обернётся Шукшиным, а Искандер скорее окажется Пастернаком, чем Манделштамом. Ведь он, подобно автору «Доктора Живаго», страдал только за свои тексты, с сильными мира сего практически не соотносился, существовал с их милостивого разрешения где-то чуть-чуть в сторонке от крутых реалий действительности, на периферии советского «литературного процесса», диссидентом не был, не спился, не застрелился, слава Богу!.. Временами был очень мрачен, если не сказать депрессивен, иногда хохотал своим неповторимым «искандеровским» смехом. Понятно, что его настоящая слава и известность начались на следующий день после публикации в «Новом мире» повести «Созвездие Козлотура». До этого он был лишь «широко известен в узких кругах». Он не был в числе тогдашних властителей дум (Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, Окуджава, Рождественский). Он стал им вот именно что после «Козлотура». Стал знаменитым и известным, а когда приобрёл ВЕЛИЧИЕ — трудно сказать. Скорей всего после публикации в американском «АРДИСЕ» полного, а не усечённого текста «Сандро из Чегема».

1979 год. Я пировал на его 50-летию в скромном ресторанчике около метро «Профсоюзная». Где тамадой застолья был высокий седобородый Лев Зиновьевич Копелев, которого на следующий год власть выперла за пределы СССР, напоследок угостив фронтовика и сидельца фельетоном «Иуда в роли Дон-Кихота».

Думаю, что в 1989 году шестидесятилетнему Фазилу было не до юбилеев. Именно в этом году он был избран от оппозиционных сил в тогдашний Верховный Совет СССР, и на два года, единственный раз в жизни, он погрузился в политику. Заседал вместе с Андреем Сахаровым, Гавриилом Поповым, Юрием Афанасьевым. Интересно, эти имена что-нибудь говорят сегодня молодым читателям? После самороспуска Верховного Совета в 1991 году никогда больше политикой, слава Богу, не занимался.

Так что НАЧАЛО АПОФЕОЗА Фазилия Искандера я отношу к 1999 году. Именно тогда, за год до воцарения Путина, в Московском Государственном Академическом Театре имени Вахтангова состоялось пышное празднование его 70-летия, после чего Бог дал ему ещё 16 лет земной жизни. Эх, какой это был замечательный праздник! Когда-нибудь я подробнее расскажу о нём, о том, что запомнил. Как там собралась «вся Москва»! Как легко, раскованно, весело чувствовали себя зрители в зале! Как Юрий Петрович Любимов неизвестно зачем пытался всучить юбиляру огромную бутылку водки, которую потом берегал от неиз-

вестно чьих поползновений абхазский физик и предприниматель Руслан Джопуа, верный друг семейства Искандеров, литературный секретарь Фазиля и «помощник депутата» во время его недолгого «хождения во власть». Как выступали абхазские дети и взрослые джигиты! Не хуже, чем танцоры ансамбля песни и пляски Пата Патарая — и в жизни, и в фильме по некогда запрещённой главе из «Сандро» под названием «Пирь Валтасара».

М.Г.: Я думаю, что самой широкой публике — как и мне — Искандер стал известен как раз в 80-х. Первым, что я, как и очень многие, прочитал у Искандера — «Кролики и удавы». Вещь, на шумевшая даже среди прочих хитов перестройки. Но воспринимавшаяся многими тогда именно в этом ключе — высмеивание и ниспровержение. Так, да не так. В этой книге была, во-первых, мысль, а во-вторых, чувство. Мне было лет 20, но я тогда это почувствовал очень чётко. Теперь «Кролики...» уже воспринимаются не как уничтожительная сатира, но как довольно грустное и пророческое описание универсалий — и власти, и подчинения. Мало того, что кролики и удавы, в сущности, составляют симбиотическое единство — едины и страны, исторические ситуации, в которых разыгрываются все эти игры. Теперь-то, пожив и при социализме, и при капитализме, побывав много где, мы видим, как высоко этот пик возносится над довольно-таки мутным потоком «обличительной» литературы 80-х. Искандер мудр и

в этой книге. Как обычно, это мудрость и ненавязчива, и глубока. Полагаю, известность «Кроликов...» перехлестнула известность «Созвездия Козлотура», вещи лиричной, открывающейся не всем. Ну и, конечно, довольно курьёзная известность по трэш-боевику Юрия Кары «Воры в законе». Вот уж где не было почти ничего искандеровского! Но зато скандальная лента подвигла многих прочитать рассказы чегемского цикла. И тут грустный вопрос-рассуждение: рассказы прочитаны многими, но прочитан ли великий роман «Сандро из Чегема» — именно как эпическая вещь? Как новый эпос, как вклад русской литературы в мировую литературу второй половины XX века?

Е.П.: Здесь сказывается разница в нашем возрасте. Для моего поколения, особенно для юных читателей, пребывающих в так называемой «провинции», «Созвездие Козлотура» было тем глотком свободы, который необходим для выживания в тоталитарной стране. До «Кроликов и удавов» было ещё далеко. Напомню, что год публикации «Созвездия» — 1966. Тогда «хитом» инакомыслия был лишь великий «Один день Ивана Денисовича». «Самиздат» (Копелев, Кестлер, Оруэлл, Волков, Шаламов) до моего Красноярска практически не доходил. «Затоваренная бочкотара», не ПОЛИТИЧЕСКАЯ, а чисто ИНАКОХУДОЖЕСТВЕННАЯ повесть Аксёнова появилась двумя годами позже, «странные люди» Шукшина — в начале 70-х, даже об Андрее Платонове мы тогда только слышали, хотя

та самая знаменитая его книга с предисловием Федота Сучкова, где был напечатан «Город Градов», вышла в том же 1966-м, но «достать» её, в отличие от «Нового мира», было невозможно. Равно как и переизданных Бабеля, Олешу, Фёдора Сологуба. Не говоря уже о «Чевенгуре», «Котловане», Добычине и Хармсе, о которых мы тогда действительно только слышали. Понимаете, «Сандро из Чегема» даже с изъятыми цензурой главами нас тогда очень устраивал. Потому что это была ДРУГАЯ, но литература, мировая литература, а не «вся-то наша жизнь есть борьба». Вот почему — каюсь — я люблю ВСЁ, написанное Искандером, но «Кролики и удавы» показались мне при их появлении слишком злободневными, ПУБЛИЦИСТИЧНЫМИ. Я в начале 80-х уже чего-то другого искал... И, пожалуй, не один я. Вспомнил, как на чьей-то квартире замечательный поэт Александр Величанский читал самиздатские «Пирры Валтасара» к восторгу соответствующей публики, любящей портвейн и ненавидящей советскую власть. Это вызвало раздражение у присутствовавшего на чтении автора «Москвы — Петушков» Венедикта Ерофеева, который внезапно предложил Величанскому восторженное чтение прекратить и сосредоточиться на собственно портвейне. «Ах ты комплексушник! Ревнуешь?» — возопил Величанский, и классики андерграунда сошлись в рукопашной... Кстати, меня всегда уливляло, как такие совершенно разные писатели, как Астафьев, Аксёнов, Искандер не принимали все-

рьёз гениальную и самодостаточную поэму «Москва — Петушки»

М.Г.: В 70-х годах во всём мире стала популярна латиноамериканская проза, магический реализм нового замеса. Это и было понятно — тяга Запада к иррациональному, к тому, что живёт вне суховатых законов Европы ли, Штатов. Вообще, тяга к «другому», к тому, что нужно для отражения тебя самого, самопознания. Искандера не раз сравнивали с Маркесом. Но это сравнение хромает. И Маркес, и Жоржи Амаду, и Марио Варгас Льюса, уж не говоря о Кортасаре и Борхесе, вышли из западного модернизма начала-середины прошлого века. Фазиль Искандер — из другой традиции, традиции русской классической литературы. И в этом его уникальность. Кавказ был в русской литературе, кажется, всегда. Очень часто — именно в качестве «другого», в общении с которым происходит раскрытие личности героя и его творца. То есть, Кавказ вроде и свой — потому что гениально описан по-русски, и всё равно — свой, но особенный. Искандер уникален тем, что описывает Кавказ изнутри, так, как не знали его наши классики — но описывает великолепным русским языком, с русскими смысловыми конструкциями. С русской бытийственностью, русским взглядом на мир, если угодно. И вот это сочетание, не похожее ни на что, именно для русского читателя делает прозу Искандера шедевром. Но и для западного читателя открывает новые перспективы постижения и человека, и общества. Жаль, что Искандер

не получил Нобелевскую премию, это помогло бы большому вниманию к его прозе, она того заслуживает. Повторю: наш вклад в мировую литературу.

Е.П.: Про Нобелевскую премию либо ничего, либо только хорошее. Перечень великих, её не получивших, скорбен. И Фазиль Искандер в их числе. Рядом с Джойсом, Прустом, Борхесом, Набоковым... Джойса даже ни разу не выдвинули на премию... На букву «А» Аксёнов, Астафьев, Ахмадулина... Зато премией вдруг наградили американского бандуриста Боба Дилана с его «песнями протеста» и деловую «прогрессивную» журналисточку, начавшую свою карьеру с прочувственного очерка о козлобородом палаче Феликсе Дзержинском в советском литературно-художественном журнале «Неман». «Когда у меня вырастет сын, мы обязательно приедем на эту землю вместе, чтобы поклониться неумирающему духу того, чьё имя — Феликс Дзержинский — "меч и пламя" пролетарской революции», — писала она в 1977 году. Надеюсь, что её сын вырос и живёт так же счастливо, как и его матушка. В Германии, где обосновалась она или даже, не дай Бог, под игом белорусского диктатора Лукашенко, которому она так храбро противостоит на радость левым интеллектуалам всех стран. Дай Бог им всем, включая диктатора, интеллектуалов и журнала «Неман», радости, здоровья и чёткого осознания того, что «царство Божие внутри нас»... Об этом и вся жизнь Фазилия, его судьба свидетельствуют.

М.Г.: Есть в нашей книге и про литературу, и про жизнь Искандера, его друзей и врагов, его мечты, сомнения, тягу к знаниям и просто быт. В общем, таким Фазилия Искандера ещё никто не видел. Не зря мы с вами записали столько часов разговоров и с женой (музой) Искандера Антониной Михайловной, и с теми, кто хорошо его знал. Да, собственно, и вы с ним, Евгений Анатольевич, хорошо были знакомы!

Е.П.: Да, Михаил, и я расцениваю это как один из главных подарков судьбы. Ибо права русская пословица, утверждающая, что никогда не знаешь, где найдёшь, где потерялись. Мне ль забыть, как 22 января 1979 года на заседания секретариата Московского отделения Союза писателей СССР «группа товарищей» во главе с пламенным борцом за нравственность и коммунизм Феликсом Феодосьевичем Кузнецовым громила альманах «Метрополь» и где Фазиль молчал-молчал, наливаясь гневом, а потом попёр на «товарищей», как бульдозер: «Книги лежат по 10, 15, 20 лет, а затем писатель умирает и — всё. Ничего как бы и не было. У Олега Чухонцева 15 лет пролежала книга, а сейчас напечатали, масса положительных рецензий. А кто знает, какой путь прошёл он за эти 15 лет? История с Евгением Поповым. Две положительные рецензии на книгу в «Советском писателе» и отрицательное редзаклучение. Это жульничество! Вот как это называется!» Даже Феликс Кузнецов пытался успокоить разбушевавшегося «чегемца» своим очередным враньём о

благостях и благородстве «текущего момента»: «Такой нравственной атмосферы давно не было. Давно не было такой доброй атмосферы, и доказательство тому — как мы с вами разговариваем. А к тебе, Фазиль, относится поговорка: “Шёл в комнату, попал в другую”. Ты попал в другую комнату, Фазиль, искушённый политической спекуляцией».

Казалось бы, после исключения из Союза советских писателей за участие в АПОЛИТИЧНОМ (потому что ХУДОЖЕСТВЕННОМ) альманахе «Метрополь» я должен был голову пеплом посыпать и предаться скорби. Ан шиш! Близость к Аксёнову, Ахмадулиной, Битову, Вознесенскому, Высоцкому, Искандеру, знакомство — если шире брать — с Астафьевым, Шукшиным, Домбровским, Сашей Соколовым, Приговым дороже стоят, чем какой-то там нечистый Союз писателей канувшей советской империи. Равно как и дорога мне шестидесятилетняя дружба с лучшим (на сегодняшний день) беллетристом России Эдуардом Русаковым, живущим в Красноярске, пятидесятилетнее приятельствование (извините за неуклюжий оборот) с чудесным почтальоном Анатолием Гавриловым, непревзойдённым автором *ultra short stories*, встреча с Аленом Роб-Грийе в Румынии, Юзом Алешковским, Георгием Борисовым, общение с молодёжью в Литературном институте, куда меня некогда два раза не приняли, а теперь я в нём преподаю. Я рад, что дожил до того времени, рад, что мы с Вами имеем возможность СВОБОДНО, как нам, а

не кому-то иному хочется, сочинять книгу о любимом Фазиле Искандере. И пусть дальше будет, что будет. А что будет дальше — знает только Бог. Итак, начинаем....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДЕТСТВО ФАЗИЛЯ

Книжный мальчик в горах и на море

Про своё детство Искандером написано много — и в «Сандро из Чегема», и в рассказах, конечно, особенно в рассказах о Чике. Сам Фазиль не раз говорил, что всему лучшему в себе он обязан детству, которое было у него счастливым. Несмотря на бытовые трудности, несмотря на войну, докатывающуюся до Абхазии то похоронками, то бомбёжками, а то и диверсионными группами. Более того, по мнению многих людей, близко знавших Искандера, он так и остался до конца ребёнком... Но ребёнком — с характером, и совсем непростым. Таким он был и в своём настоящем детстве. Которое, заметим прежде всего, было у него городским. Даже в детский сад он ходил, которых тогда в стране не сказать, чтобы было с избытком («старенькое одноэтажное здание, облепленное со всех сторон флигельками, похожими на избышки из детских сказок»). Только на некоторое время, в 1942 году, когда бомбёжки Сухума усилились, возникла реальная угроза захвата Туапсе немцами, мать с Фазилем и его сестрой переселилась в горы (старший брат уже учился в

военном училище). Там они наняли комнату у жены солдата, о котором не было никаких известий; семье выделили землю под огород, где выращивались тыквы, дыни, помидоры. Всё это было немалым подспорьем: даже в Абхазии, где голода, конечно, не было, в войну приходилось питаться скудно. Кислое молоко да кукурузная каша, мамалыга — вот и вся еда. При этом всё очень вкусно! Но так мало растущему организму... Судя по всему, и до войны с продуктами не всегда было просто. Поручиком тому — замечательная миниатюра «Олады тридцать седьмого года» — полемический парафраз знаменитой басни Льва Толстого о съеденной без спроса сливе. Мать вынуждена считать олады, их всего 12 на всю семью. И вдруг одна пропадает. Мать требует у сына признаться, что это он съел оладью тайком, но не хочет признаваться. В сердцах сравнивает его с троцкистами — героями тогдашних громких процессов. И бедный сын, олады не бравший, совсем как те подсудимые признаётся в своём несовершенном преступлении... За что опять же получает нагоняй от матери, когда правда об оладье (завалилась за тумбочку) раскрывается. Куда не кинь, всюду клин! Но будь в доме побогаче с продуктами, такой маленькой драмы просто не было бы. Однако не было бы, заметим, и темы для душевного рассказа. Тема еды неизменно присутствует на страницах прозы людей того, искандеровского поколения. В доме Фазиля, например, не ели свинину и уже впоследствии он горячо вспоми-

нал, как мечтал её попробовать: «Я мечтал попробовать свинину. Запах жареной свинины доводил почти до обморока. Я долго простаивал у витрин магазинов и смотрел на потные колбасы со сморщенными и крапчатыми надрезами. Я представлял, как сдираю с них шкуру и вонзаю зубы в сочную пружинистую мякоть. Я до того ясно представлял себе вкус колбасы, что, когда попробовал её позже, даже удивился, насколько точно я угадал его фантазией»

Причём, конечно, такой возможности у мальчика было в избытке, в том же детском саду, где, конечно, исключений для мусульмански ориентированных детей не было. Но — и это важный момент! — маленький Фазиль уже тогда вёл себя не совсем как остальные дети, он, хотя и хотел мяса, был в большей степени увлечён другим. «Помню, в детском саду, когда нам подавали плов со свининой, я вылавливал куски мяса и отдавал их своим товарищам. Муки жажды побеждались сладостью самоотречения. Я как бы чувствовал идейное превосходство над своими товарищами. Приятно было нести в себе некоторую загадку, как будто ты знаешь что-то такое, недоступное окружающим».

Итак, юный Фазиль бывал в горах, в Чегеме только летом. Как и все дети Советского Союза, осенью, зимой, и весной в школу, на лето — в деревню. Причём путь из долины в горы, из Сухума в Чегем, хотя там не так много километров, был не так-то и прост, что называется — не наездишься. Другое дело, что Сухум тог-

да во многом сохранял деревенский облик. Дома, сады-огороды с фруктовыми деревьями, домашняя скотина, пыльные улицы — всё, что так замечательно описано Искандерам в рассказах о Чике. При этом Сухуми был уже в то время городом и портовым, и курортным. Там было на что посмотреть и что послушать наблюдательному подростку. Сам писатель вспоминал, что в пору его детства Сухуми «был городом очень своеобразным. Своеобразие это заключалось в его исключительной многонациональности, пёстром многоязычии. Здесь можно было услышать абхазскую, русскую, грузинскую, мегрельскую, армянскую, турецкую речь. Звучал персидский язык... И всё это многоязычное марево сливалось для меня в единую не просто звуковую, но и смысловую симфонию...». «Дети разных народов» общались запросто, в конце концов, у них у всех была общая судьба — судьба жителей Империи. Но бывали здесь и другие сцены, тоже запавшие в душу навсегда: «Мы с пацанами шли на море. Впереди нас, покачиваясь, шагали два пьяных человека. Один из них — богатырь, другой — довольно тощий, маленький. Тощий беспрерывно в чём-то укорял своего собутыльника. Богатырь неожиданно останавливался, приподнимал тощего и бросал его на тротуар.

После этого он сам помог ему встать, и они шли дальше. Тощий продолжал его укорять. Богатырь терпел-терпел, а потом останавливался, поднимал его на руки и бросал на землю. После чего снова

помогал ему подняться и идти дальше. Когда богатырь в последний раз бросил тощего на тротуар, тощий сильно ударился головой о бордюр и остался недвижим. Все попытки второго пьяного поставить его на ноги ни к чему не приводили. Тощий был неподвижен и не открывал глаза. Я помню тот ужас, который испытал тогда пацаном, он и до сих пор у меня в душе. Сейчас, по прошествии многих десятков лет, я надеюсь, что, может быть, тот пьяный и не убил своего товарища. Может быть, тот просто потерял сознание. Но тогда все мы, идущие сзади, думали, что убил». Конечно, в деревне такое увидеть было бы невозможно. Как и сухумскую достопримечательность — «знатных» бандитов, воров в законе, которые разгуливали среди бела дня вооружённые до зубов, и которых все уважали (по крайней мере, боялись перечить).

Всё же Сухуми, конечно, был не вполне обычным советским городом. Экзотика присутствовала! Не слишком обычной была и семья Фазилия — мы говорим, конечно, о душевнобольном дяде, который жил вместе с ними (и знаком всякому читателю цикла рассказов о Чике). В этих рассказах, как мы не раз повторяли и ещё будем повторять, события и обстоятельства изменены волшебным магическим кристаллом великого писателя. В действительности хватало и бытовых сложностей и (о чём в рассказах умалчивается) недоброжелательных соседей. Например о том, что они, исключительно из человеколюбия, время от

времени писали анонимные доносы. Как вспоминал Искандер, «Одни из них указывали, что дядя незаконно проживает в нашем доме и что он должен жить в сумасшедшем доме, как и все нормальные сумасшедшие. Другие писали, что он целый день работает и надо проверить, нет ли здесь тайной эксплуатации человека человеком». Вообще, тогдашний быт — всей немаленькой семьёй в одном небольшом доме, абсолютно без удобств, даже без воды — способен шокировать современного читателя.

Вот одна из таких зарисовок — как обычно, в весьма юмористическом тоне. «В это время (как и во все времена) у нас жили двоюродные сёстры из деревни — приехали учиться. Кроватей на всех не хватало, но места на полу ещё оставалось много. Лично мне кровать была ни к чему, потому что в тот беспокойный период своей жизни я всё равно скатывался на пол, так что кровать мне даже была вредна. Но мама из какой-то непонятной гордости старалась затолкнуть меня в кровать, даже если при этом приходилось лишний матрас выстилать перед кроватью, чтобы я не слишком стучался головой, скатываясь на пол». Надо помнить, что так — или почти так — тогда жило большинство советских людей, а сухумский климат бытовые неурядицы всё же смягчал. Не Сибирь всё-таки! Да и дом — не барак, а крепкое дореволюционное здание: тёмно-кирпичный, двухэтажный, с балкончиками на втором этаже. Второй этаж был местом для тётушки, она любила сидеть на бал-

коне. На первом жил Фазиль с матерью. В цикле рассказов о Чике, среди прочего, чётко описано, чем «городские» отличаются от «деревенских». Да и в «Сандро...», когда юного героя-рассказчика нужно похвалить, дядя Кязым выбирает именно противопоставление «городских» и «своих» «Он сидел в кухне перед очажным огнём и, кивнув в мою сторону, сказал маме:

— Этот твой сегодня на такое дерево взобрался, куда ни один горожанин не посмел бы, хоть соберись они гурьбой под этим орехом...

Мама, конечно, стала меня ругать, но я был счастлив, что дядя Кязым, обычно такой насмешливый, меня похвалил». Но похвала — похвалой, а всё-таки Фазиль был именно городским. И «деревенских», как и положено горожанам, видел преимущественно издали. Характерен эпизод из жизни Чика — едва ли мы можем говорить о достоверности событийной, но идейной окраске верить можно. Речь идёт о соученике Чика по средним классам Мухусской школы. «Звали его Жора Куркулия. Это был такой светлоглазый крепыш со смущённой улыбкой и широким деревенским румянцем на лице. По акценту, с которым Жора говорил на русском языке, Чик точно знал, что мальчик этот вырос в деревне. Любя чегемских родственников, Чик немного покровительствовал приезжим, которые учились в городе. Встречаясь с Жорой на переменах, Чик гостеприимно кивал ему и как бы говорил: "Учись, Жора. Читай книги, ходи в кино, пользуйся турником,

шведской стенкой, параллельными брусьями и будешь не хуже нас, городских". Жора смущённо улыбался в ответ и как бы отвечал: "Я, конечно, постараюсь, если смогу преодолеть свою деревенскость>". Как помнят все читатели, Жора оказался крайне ловким парнем, и в итоге опередил Чика по всем статьям. Мягкая ирония Искандера делает этот эпизод прямо дидактическим: не зазнавайся своим происхождением, чистотой своей, речью и всем прочим, а то в дураках окажешься именно ты... Кстати сказать: Чик живёт в несуществующем городе Мухусе (Сухум наоборот!), и самому писателю этот персонаж тоже, естественно, никак не равен. Чик — заводила, победитель в уличных драках, прекрасный пловец, покоритель стихий, всюду свой... Фазиль — болезненный мальчик, любящий книги, к тому же младший в большой семье. Долгое время его терзала малярия, так ярко описанная в «Сандро из Чегема» (тут, полагаем, впечатлению писателя мы можем довериться): «Тётушка укладывает меня в залу, кладёт на меня сразу два одеяла. Меня продолжает колотить озноб, но постепенно я согреваюсь. Мне делается всё жарче и жарче, и уже голова наполняется тяжёлым огнём, и я боюсь ею шевельнуть, потому что боль усиливается, разгорается от каждого движения. Я сбрасываю с себя тяжёлые одеяла, и меня накрывают простынёй. Мне дают градусник, я сую его под мышку. Через некоторое время выясняется, что у меня температура сорок один и пять десятых. Я слегка гор-

жусь своей температурой, тем более что тётушка и все остальные её пугаются. Они не знают, что у меня во время малярии всегда бывает очень высокая температура. Они думают, что при температуре сорок два градуса человек умирает. Я-то уверен, что я не умру и при такой температуре: но мне приятно, что они так обеспокоены моей приближенностью к смертельной черте.

На голову мне кладут мокрое полотенце, которое сменяют каждые десять — пятнадцать минут... Часа через два я — в каком-то полубредовом состоянии и иногда путаю людей, которые входят и выходят из комнаты, где я лежу. Я вижу в распахнутые двери, как человек входит в наш двор и приближается к дому, потом всходит на крыльцо, проходит веранду и входит в комнату. И пока он проделывает всё это, я на него смотрю и вижу, как облик его несколько раз меняется. То он похож на одного человека, то на другого, потом на третьего, и только, пожалуй, когда он входит в комнату, где я лежу, облик его окончательно устанавливается. Так бывает только во сне, и состояние моё похоже на сон, только с открытыми глазами». Добавим: иногда говорят, что и литература — это тоже сон с открытыми глазами. Только настоящий писатель может видеть такие сны и пересказывать их всем нам. Стоит заметить, что способы лечения народными средствами были самые радикальные — моча белой козы вовнутрь. Взрослый Искандер описывает это вполне невозмутимо, но Исканде-

ру-ребёнку, надо думать, повторяющаяся из раза в раз процедура, удовольствия не доставляла. Она жестока (и уж, конечно, малоэффективна) с любой точки зрения: «Тётушка приносит мне примерно половину поллитровой банки, и я, зажав дыхание, делаю несколько больших глотков. Таз, заранее приготовленный, стоит у моей постели. Как только я ставлю банку на стул, из желудка у меня подымается со страшной силой рвотная спазма. Я наклоняюсь над тазом, и из меня выхлёстывается содержимое желудка.

— Давай-ка ещё! Ещё! — говорит тётушка радостно, по-видимому уверенная, что я вылёвываю свою болезнь. После третьего или четвертого выворота внутренностей из явно опустевшего желудка стала идти какая-то слизь с кровавыми пятнами.

— Ага, — говорит тётушка удовлетворённо и даже злорадно, — добрались наконец до тебя, до дьяволицы! Посмотрите! Посмотрите, какая она! Вот теперь-то ещё раз надо выпить...

Она подносит мне банку. Снова, зажав дыхание, я проделываю то же самое. Снова рвотные спазмы. Я совсем обессилел. Из пустого желудка выжимается в капельках крови какая-то слизь, и всем кажется, что это из разрушенного гнездовья самой малярии выливается ядовитая жидкость».

В селе маленького Фазиля к тяжёлым работам старались не привлекать — так, посылали иногда с поручениями, а в основном оставляли

в покое: читать книжки и наблюдать за жизнью. В общем, это самое лучшее, что могли сделать для писателя мудрые абхазские крестьяне. И, конечно, он отплатил за их понимание и доброту стократно. (А в городе, например, могли послать в лавку за вином). Вот типичный день маленького Фазиля в селе: «Вся семья — мать, две взрослые дочери, два взрослых сына — с утра уходила на работу: кто на прополку кукурузы, кто на ломку табака. Я оставался один. Обязанности мои были лёгкими и приятными. Я должен был накормить козлят (хорошая вязанка шумящих листьями ореховых веток), к полудню принести из родника свежей воды и вообще присматривать за домом. Присматривать особенно было нечего, но приходилось изредка покрикивать, чтобы ястреба чувствовали близость человека и не нападали на хозяйских цыплят. За это мне разрешалось, как представителю хилого городского племени, выпивать пару свежих яиц из-под курицы, что я и делал добросовестно и охотно». Да что тут сказать — он даже мышей убивать боялся, невозможное дело для настоящего абхазского мужчины, хоть и будущего! «С мышами у него тоже были свои сложности. Мама выдала ему старую вилку, чтобы он ею убивал мышей, попавших в мышеловку. Но ему было противно прокалывать мышей вилкой. Если попадалась мышь, он выносил мышеловку на улицу, открывал её над канавой, и живая мышь шлёпалась туда». Читая Искандера, думаешь, что будущий писатель и не мог вести

себя иначе. А нынче мода другая — своими «брутальными» похождениями в детстве и юности прозаики и поэты любят прихвастнуть (ну и со- врать при этом, преувеличивая свою «несгибаемость»).

И ещё. Как рассказывала нам Антонина Михайловна Хлебникова-Искандер, в своей семье Фазиль далеко не считался красавцем, вообще, к нему как-то очень долго не относились всерьёз. Книжный мальчик, самый маленький, последыш.... То ли дело старший брат, гордость и любимчик матери! Как вспоминал Фазиль, «в школе брат считался одним из самых буйных лоботрясов. Способность оценивать свои поступки, как сказал его учитель, у него резко отставала от темперамента. Я представлял его темперамент в виде маленького хулиганистого чёртика, который всё время бежит впереди, а брат никак не может его догнать. Может быть, чтобы догнать его, он с четвёртого класса мечтал стать шофёром. Каждый клочок бумаги он заполнял где-то вычитанным заявлением:

"Директору транспортной конторы.

Прошу принять меня на работу во вверенную Вам организацию, так как я являюсь шофёром третьего класса"». Фазиль уже в третьем классе мечтал совсем о другом. Нам кажется, что такая ситуация для будущего писателя и типологична, и благотворна. Отсутствие насильственной вовлеченности в бытовые реалии, некоторая душевная отстранённость от семейных традиций и дел, даёт уникальный опыт уже с

детства. При этом, конечно, своих родных Фазиль что в детстве, что потом любил очень сильно, и любил искренне. Что поделаешь, когда он был не таким, как они! Но вот что служило мальчику отрадой — море, самое лучшее, что было в заштатном тогда Сухуми. Фазиль научился плавать лет в семь и навсегда запомнил новое ощущение: «До этого я барахтался в воде и, может быть, даже немного плавал, но только если я знал, что в любую секунду могу достать ногами дно. Теперь это было совсем новое ощущение, как будто мы с морем поняли друг друга. Я теперь мог не только ходить, видеть, говорить, но и плавать, то есть не бояться глубины. И научился я сам! Я обогатил себя, никого при этом не ограбив». Обогащаться, никого не ограбив — мечта! Однако несколько раз, увлёкшись, Фазиль едва не утонул. Но и после этого моря не разлюбил и бояться не стал.

ОДИНОЧКА В ШКОЛЕ

Фазиль одинаково свободно — в отличие от большинства своих родственников — говорил и по-русски, и по-абхазски. Учился при этом он в русской школе. Почему? Например, потому, что она была самой близкой к его дому. Или (что вернее) потому, что в Сухуми абхазский язык не слишком котирировался. Конечно, Сухуми в 30-х годах уже не был портом-франко с интернациональным многоголосием (многоголосие, многоязычие было, но несколько иное — внутримперское). Ещё, чтобы на

время закончить тему с языками: в школе изучался и грузинский язык. Причём в тех же практически объёмах, что и русский. Отношение к этим урокам у большинства школьников-абхазов, да и русских, было не очень. Грузинский язык — в Абхазии... Фазиль ему не научился (и не очень к тому стремился). Школа была самая обычная, и вспоминал впоследствии Искандер больше не о занятиях, а о своих одноклассниках (какое скопление национальностей! Жили дружно), да о, как бы сказали сейчас, «внешкольной активности». Мальчики и девочки учились раздельно. «Своим в доску» Фазиль не был и в школьном коллективе. Он, родившийся в марте 1929 года, пошёл в первый класс в 6 лет, то есть, очень рано по тогдашним меркам. Причём пока разбирались, брать его или не брать, прошёл целый месяц, коллектив первоклашек успел сплотиться. В итоге Фазиль начал школьную жизнь как опоздавший одиночка — да ещё самый младший в классе. Малыш просто не мог понять новых, строгих правил — например, что в классе нельзя громко разговаривать. Почему? Разве кто-нибудь спит или больной? Правила, конечно, он усвоил и освоил, но примерно так всё и продолжалось вплоть до получения аттестата. Есть у Искандера, кстати, замечательный афоризм, прекрасно подходящей что для тогдашней, что для нынешней системы школьного (и не только) образования: «Школа предлагала ему во время урока как бы заснуть для жизни, чтобы проснуться для учёбы». Засыпать для

жизни, само собой, не хотелось.

Мы находим у Фазиль немало портретов школьных педагогов, в основном все они ироничны — и даже, что для сдержанного Искандера редкость, карикатурны. Как всегда, трудно судить, насколько эти портреты схожи с оригиналами, но тенденция вполне очевидна. Как, например, слова о директоре школы: «Со стороны могло показаться, что он больше всего боялся комиссии из гороно, на самом деле он больше всего боялся нашего завуча. Это была демоническая женщина. Когда-нибудь я напишу о ней поэму в байроновском духе». Или завуч: «Маленький человек, весь красный, с красными глазами, с выражением лица, какое бывает у измотанных драками, но, однако, всегда готовых к новым дракам петухов». А симпатичный в целом учитель математики славен отнюдь не преподавательскими талантами, а тем, что умело высмеивает учеников. Вот как Фазиль вспоминал много позже, да, с иронией — но с иронией довольно горькой: «когда мы возделывали пустырь, один из ребят обратил внимание остальных на то, как я держу носилки, на которых мы перетаскивали землю. Военрук, присматривавший за нами, тоже обратил внимание на то, как я держу носилки. Все обратили внимание на то, как я держу носилки. Надо было найти повод для веселья, и повод был найден. Оказалось, что я держу носилки, как Отъявленный Лентяй». Ярлык был создан и повешен на задумчивого мальчика (задумчивость, конечно,

признак лени — чего же ещё!). Дальше — больше. «Если я на контрольной по математике сидел, никому не мешая, спокойно дожидаясь, покамест мой товарищ решит задачу, то все приписывали это моей лени, а не тупости. Естественно, я не пытался в этом кого-нибудь разуверить. Когда же я по русскому письменному писал прямо из головы, не пользуясь учебниками и шпаргалками, это тем более служило доказательством моей неисправимой лени». И вот уже ситуация доходит до начальства: «Через некоторое время слухи об Отъявленном Лентяе дошли до директора школы, и он почему-то решил, что это именно я стащил подзорную трубу, которая полгода назад исчезла из географического кабинета. Не знаю, почему он так решил. Возможно, сама идея хотя бы зрительного сокращения расстояния, решил он, больше всего могла соблазнить лентяя. Другого объяснения я не нахожу. К счастью, подзорную трубу отыскали, но ко мне продолжали присматриваться, почему-то ожидая, что я собираюсь выкинуть какой-нибудь фокус. Вскоре выяснилось, что никаких фокусов я не собираюсь выкидывать, что я, напротив, очень послушный и добросовестный лентяй. Более того, будучи лентяем, я вполне прилично учился». Ну и, конечно, с лентяем — читай: с выбивающимся из коллектива — решили бороться. «Ко мне решили применить метод массивного воспитания, модный в те годы. Суть его заключалась в том, что все учителя неожиданно наваливались на одного нерадивого

ученика и, пользуясь его растерянностью, доводили его успеваемость до образцово-показательного блеска». Образ хорош: учителя, наваливающиеся всей толпой на бедного одиночку, по той или иной причине не защищённого «коллективной круговой порукой». Затея не удалась: «в строй» Фазиль не вернулся, и можно сказать, что не вернулся никогда. Как бы то ни было, учился он хорошо. И, полагаем, никто не удивился, когда он получил золотую медаль. Хотя в те времена, в 1946 году, школьная золотая медаль обладала куда большей ценностью, что реальной, что символической, чем позже. Не без тонкой иронии Фазиль вспоминал, как было дело: «"На серебряную потянешь", — однажды объявила классная руководительница, тревожно заглядывая мне в глаза. Это была маленькая, самолюбивая каста неприкасаемых. Даже учителя слегка побаивались кандидатов в медалисты. Они были призваны защищать честь школы. Замахнуться на кандидата в медалисты было всё равно, что поставить под удар честь школы. Каждый из кандидатов в своё время собственными силами добивался выдающихся успехов по какому-нибудь из основных предметов, а уж по остальным его дотягивали до нужного уровня. На выпускных экзаменах к нам были приставлены наиболее толковые учителя. Они подходили к нам и часто под видом разъяснения содержания билета тихо и сжато рассказывали содержание ответа. Это было как раз то, что нужно. Спринтерская усвояемость,

отшлифованная во время исполнения роли Отъявленного Лентяя, помогала мне точно донести до стола комиссии благотворительный шепоток подстраховывающего преподавателя. Мне оставалось включить звук на полную мощность, что я и делал с неподдельным вдохновением. Кончилось всё это тем, что я вместо запланированной на меня серебряной медали получил золотую, потому что один из кандидатов на золотую по дороге сорвался и отстал».

О многом говорит причина этого отставания: не выдержал давления со стороны школы и матери, названной Искандером «слишком настырной», то есть — честолюбивой, мечтающей о победе для сына. Что называется, сломался на финише. Ничего подобного в семье Искандера, конечно, и быть не могло. Интересна реакция матери, о которой много позже вспоминал Фазиль: «Когда я принёс эту медаль, она никак не могла поверить, что Государство кому-то может подарить такой кусок золота. Я, говорит, его к зубному врачу отнесу. Она отнесла медаль «на пробу» к зубному врачу и вернулась с великолепной фразой: «Да, он сказал, что это — золото. — И добавила. — Если они все не заодно...» Очень характерная, по-настоящему крестьянская реакция на происходящее! Крестьяне, какой бы национальности они ни были, никогда не доверяли ни властям, ни прочим «внешним» по отношению к их повседневной жизни институтам. Они стояли в стороне от большого мира. Искандеру предстояло, в отличие

от своей родни, в этот большой мир войти и, говоря простыми словами, его покорить.

ШЕКСПИР В ЧЕГЕМЕ

Вполне равнозначным живым, личным впечатлениям детства для Фазилия Искандера — как, наверное, и для многих литераторов — можно считать не увиденное-услышанное, но прочитанное им. И он сам не раз говорил об этом. Вот, например, очень поэтично: «Я вообще считаю, что для писателя огромное, если не решающее значение имеют книги, прочитанные до семнадцати лет. Если тебе повезло прочитать несколько настоящих глубоких серьёзных книг, они, я думаю, проводят в сознании какие-то борозды, причём навсегда, и тогда уже, можно сказать, что ливни вдохновения идут по этим бороздам. Когда ты становишься более зрелым человеком и пишешь, ты уже не устремляешься к каким-то третьестепенным книгам. Потому что всё-таки, как ни крути, сила восприятия в детстве, юности гораздо мощнее, чем потом».

Собственно, и самым дорогим, чуть ли не единственным однозначно счастливым школьным воспоминанием было воспоминание об учительнице младших классов Александре Ивановне, которая читала детям вслух «Капитанскую дочку». О ней он писал без иронии. Свои эмоции по этому поводу Искандер много позже передоверит Чику: «В классе было тихо-тихо. Александра Ивановна сидела за столом и чита-

ла "Капитанскую дочку" Пушкина. Даже пылинки в солнечном луче, падающем на стол учительницы, казалось, стали медленнее кружиться, всё пристраиваясь и пристраиваясь к спокойному и милому порядку книги. Александра Ивановна её читала уже много дней, и каждый раз в классе устанавливалась волшебная тишина. Чик ужасно любил эти минуты. Конечно, и книга была мировая, и Александра Ивановна здорово читала. Но тут было ещё что-то другое. Чик это чувствовал.

В голосе Александры Ивановны журчал уют, слаженность всей жизни, где всем, всем людям будет хорошо. Сначала в классе, как сейчас, а потом и во всём мире. И хотя книга была как бы не об этом, но через голос учительницы получалось, что и это в ней есть. Он чувствовал, что всем классом слушать Александру Ивановну, читающую эту книгу, гораздо слаще, чем одному. Оказывается, когда многие рядом с тобой наслаждаются книгой, гораздо слаще делается и тебе самому. И Чик любил сейчас всех ребят класса за то, что они так послушно наслаждаются. Ну, Александру Ивановну он и всегда любил больше всех остальных учителей. Он любил её старое, морщинистое лицо в пенсне, её высокую, лёгкую фигуру в аккуратном сером пиджаке и этот ровный голос, старящийся не выдавать того, что сама она чувствует при чтении, чтобы не было взрослой подсказки, где смеяться, а где горевать».

Когда Александра Ивановна ушла, все уроки литературы и сама

литература сразу потеряли малейшую привлекательность. Конечно, Фазиль много читал и без школьных уроков. Ну и читал всё в основном «не по программе». Книги добывал в разных местах, иной раз неожиданных — как будто они сами шли к нему в руки. Читал вполне понятный для мальчиков его поколения набор авторов — Жюль Верн, Конан Дойль. Майн Рид, имена героев которого для Фазилия-подростка звучали как сладостная музыка: Морис-мустангер, Луиза Пойндекстер, капитан Кассий Колхаун, Эль-Койот и, наконец, во всём блеске испанского великолепия Исидора Коваруби де Лос-Льянос. Обожал читать журнал «Вокруг света», а его «литературную часть» — опубликовавшиеся там маленькие приключенческие рассказы, например, про гангстеров — даже читал вслух во дворе. Можно вспомнить сцену из «Сандро», где Робинзона Крузо оценивает бабушка героя — со своей, специфической точки зрения. Нечто подобное, полагаем, видел и сам Фазиль, если ему приходило в голову поделиться с близкими своими впечатлениями. «Прочитав несколько страниц, мальчик по-абхазски пересказывал бабке их содержание. Но бабушка, хоть и внимательно слушала его, однако пользовалась каждым случаем, чтобы уличить Робинзона в глупостях и противоречиях. Она никак не могла ему простить, что он покинул дом и родину вопреки воле отца». Это всё очень мило, и забавно, но для подростка не очень утешительно: подчёркивает одиночество в своей семье, дескать, хорошие люди,

честные, добрые, но.... Может быть, впрочем, с этого «но» и начинается писатель. Но не только! Было немало случайностей — глубинно, с точки зрения судьбы и предназначения неслучайных — которые посылали юному Фазилю совсем другие книги. «Я обменялся с одним мальчиком Шерлока Холмса» Конан-Дойля, а он мне — один из разрозненных томов Гегеля «Лекции по эстетике». Я уже знал, что Гегель — философ и гений, а это в те далёкие времена было для меня достаточно солидной рекомендацией. Так как я тогда ещё не знал, что Гегель для чтения трудный автор, я читал, почти всё понимая. Если попадались абзацы с длинными, непонятными словами, я их просто пропускал, потому что и без них было всё понятно. Позже, учась в институте, я узнал, что у Гегеля, кроме рационального зерна, немало идеалистической шелухи разбросано по сочинениям. Я подумал, что абзацы, которые я пропускал, скорее всего, и содержали эту шелуху. Вообще я читал эту книгу, раскрывая на какой-нибудь стихотворной цитате. Я обчитывал вокруг неё некоторое пространство, стараясь держаться возле неё, как верблюд возле оазиса. Некоторые мысли его удивили меня высокой точностью попадания. Так, он назвал басню рабским жанром, что было похоже на правду, и я постарался это запомнить, чтобы в будущем по ошибке не написать басни». (Интересно, «Кролики и Удавы», созданные уже после написания этого мемуарного фрагмента к басне

по Гегелю, можно отнести? В любом случае, «Кролики...» что угодно, но никак не рабский жанр!).

А вот ещё. Много лет спустя Искандер в интервью Евгению Попову скажет: «И ещё я вспомнил, как в деревне одна из моих двоюродных сестёр, учившаяся в городе, привезла большой однотомник Шекспира. Так как других книг не было, я его несколько раз прочёл. Мне было так лет десять и на меня огромное впечатление произвели юмористические моменты в творчестве Шекспира. Драмы смутно в детской голове укладывались, но каждое появление Фальстафа или шута для меня было величайшим праздником. Юмор Шекспира громадную сладостную роль сыграл тогда для меня, и я думаю, что в какой-то мере он мне много дал для понимания юмора вообще».

Можно сказать парадоксальную вещь: абхазец Искандер учился русскому языку по переводам Шекспира! Между прочим, опять спасибо советской власти: ни до, ни после неё таких массовых изданий классиков не было, да уже и не будет. Читал Фазиль и стихи, в том числе доступных ему авторов «Серебряного века» (например, Брюсова). Про своё знакомство с поэзией Пастернака Искандер вспоминал (и рассказывал на конференции в США) так: «Помнится, школьником, роюсь в груде книг, разбросанных на стойке сухумского букиниста, я вытащил маленькую книжку стихов с именем Пастернак на обложке. Имя мне ничего не говорило. Я уж собирался положить

книгу на место, но тут старый букинист сказал: “Берите, не пожалеете. Это современный классик”. Я тогда абсолютно не верил, что классик может быть современным. Но листанул книгу и впервые прочёл стихотворение “Ледоход”. Впечатление было ошеломляющее и странное. Как будто в жаркий летний день в мой разинутый рот кто-то из ведра вливает лимонад. И вкусно, и слишком много». Темперамент раннего Пастернака не совпал с темпераментом сдерживающего себя, стесняющегося демонстрации чувств подростка. Впрочем, некоторые книги из этого спокойствия Искандера буквально вышибали. Особенно ему запомнилось не что-нибудь, а роман Льва Толстого «Анна Каренина»! Фазиль прочитал его в 13 лет, случайно найдя томик в деревенском доме — непонятно, как он там мог вообще оказаться; такая вот (не)случайность. Прочитал, а дальше произошло вот что. Мальчик был настолько потрясён, что по его позднейшим словам, «был близок к безумию». Острая психотическая реакция на прочитанное запомнилась ему на всю жизнь. Несколько дней он ходил, напевая какой-то сумасшедший траурный марш, выдуманный самим собою. Эмоции рвались наружу, поделиться было не с кем. Возможно, тогда всё сложилось окончательно, Фазиль вступил на писательскую стезю: чтобы превратить бессловесное мышление в собственные слова. Потом Искандер «Анну Каренину», конечно, перечитывал, находил великой книгой, но такой реакции больше не

было — да и слава Богу!

Интересно, что в детстве, да и потом, в течение всей жизни, чтение запоем у Искандера сменялось полным равнодушием к книге. Причём эти периоды были почти равны по продолжительности. Ничего удивительного: набрав информации и эмоций, писатель осмысливает их, превращает вещество чтения в вещество творчества.

Диалог авторов

Евгений Попов: Ну, что тут сказать, кроме тривиального «Дух дышит, где хочет». Предвоенная Абхазия. Курортный город Сухуми (Сухум), полный нарядных курортников и курортниц с их лёгкими романами и неизбывной пошлостью, которой, например, стала в кинофильмах о том времени обязательная мелодия песни «Утомлённое солнце», исполняемая сладчайшим голосом Вадима Козина, ещё не угодившего тогда на Колыму. Озеро Рица. Дача Сталина. Примерно то же самое было в Сочи, Ялте, но там не нашлось своего Фазиль Искандера...

Михаил Гундарин: При этом давайте не будем забывать, что мы-то и в этом случае доверяем образам литературы и кино, если угодно — стереотипам беззаботного, солнечного предвоенного курорта... И уж тем более, идя по следам РЕАЛЬНОЙ биографии Искандера, стоит «проверить» писателя, создавшего уникальный ЛИТЕРАТУРНЫЙ мир, где мальчик Чик этот вовсе не сам Искандер, и дядя Сандро существует только на

страницах книги, а вовсе не в реальности. Может быть, относится даже с заведомым недоверием к его художественным «показаниям». Хотя настолько велико обаяние мира Чика и Сандро, что веришь: всё было именно так.

Е.П.: В том и сила литературы, что она не реальность, а в любом случае dream, мечта. Даже если проза написана на фактическом материале, как, например, «Молодая гвардия» Фадеева, в результате чего несколько прототипов персонажей романа, «предателей», получили огромные сроки и лишь после смерти Сталина (и самоубийства Фадеева) были реабилитированы. Или известная история с первой книгой Джеймса Джойса «Дублинцы», где родной город молодого писателя предстаёт как «кладбище душ». Земляки, знакомые и родственники Джойса, которые узнали в персонажах «Дублинцев» себя, сильно обиделись на писателя. Возможно, их утешило бы, если бы они знали, что не пройдёт ста лет, и город будет фактически жить за его счёт, за счёт наплыва туристов, привлечённых сюда его книгами.

М.Г.: Знакомая история! То же самое происходило у нас на Алтае. Василий Макарович Шукшин вспоминал, что, прочитав некоторые его рассказы, узнав в них себя, односельчане выговаривали матушке Шукшиной, что её сынок не имел права этого делать — описывать всё как есть.

Е.П.: Не сравниваю себя с великими, но слава Богу, что меня в юности почти не печатали, а то и мне досталось бы от моих красноярских

прототипов «на орехи». У меня ведь там попадаются довольно ядовитые сцены. Василий Макарович скорей всего это имел ввиду, когда писал предисловие к первой заметной публикации моих рассказов в «Новом мире» в 1976 году, после которой я, извините, проснулся, знаменитым: «Я так думаю, что должна уйти — я бы изгонял её — этакая ироничность авторская...» И ещё: «Ироническая лёгкость — это по следу, я думаю даже, что это своё отработало, пока не придёт кто-то... непохоже, странно ироничный». Он прав был. Ирония обязана быть не ядовитой, а странной, философской. Как у самого Шукшина, как у Фазиля...

М.Г.: К Шукшину у земляков все претензии в прошлом. Потому как, подобно Джойсу, он уже долгие годы «кормит» своих односельчан в легендарных Сростках. Именно здесь — «на родине Шукшина» — останавливаются все автомобили и автобусы по дороге в Горный Алтай. А это — в летние дни — сотни единиц ежедневно. Базар здесь самый оживлённый по всему небольшому Чуйскому тракту, обороты в сезон — миллионные! Много и давно говорится о создании «Парка Искандера», о строительстве нового, туристического Чегема. Вопрос, насколько это неожиданное возвращение несуществующего села было бы корректным по отношению к автору. Ну, это дело неблизкого будущего. Чегем живёт в творениях автора, который смог в детстве прочитать множество книг — в том числе находясь в настоящем Чегеме —

чтобы создать Чегем воображаемый... Такой узелок.

Е.П.: И меня, и Вас трудно запознать в любви к Советской власти, но тогда ведь действительно существовал культ чтения. Я до сих пор помню эти роскошные детские издания — «Дети капитана Гранта», «Пятнадцатилетний капитан», «Всадник без головы», «Хижина дяди Тома», «Приключения Тома Сойера», «Гекльберри Финн». И это Сибирь, Красноярск, далеко от Сухуми, а книги, считайте, те же. И они доступны, они существуют... Советских, русских книжек почему-то не помню. Разве что Гайдар, «Голова профессору Доуэля», «Мордовские сказки» да «Тёма и Жучка». Гегеля и Шекспира, правда, в отличие от Фазиля, не читал? А какое чтение у вас было в детстве? Вы-то ведь меня моложе на 12 лет, а Фазиля, получается, на целых 29. Я-то для этого всё-таки не гожусь, а вы вполне бы по возрасту могли претендовать на роль его сына.

М.Г.: Да, я 1968 года рождения, Фазилю Абдуловичу в том году было 39. Между тем, и в моём детстве был город Барнаул, где я жил, и алтайская деревня Лесное, куда меня отправляли на лето, к бабушке Анне Фёдоровне. А там — россыпь разрозненных томов в деревенской библиотеке. В том числе — изданных ещё до войны или сразу после. Классика вперемешку с приключенческим жанром. Эти издания и Фазиль в детстве мог читать!

Е.П.: И это тоже общее место для небогатых семей. Летом детей

отправляли в деревню. На месяц, а то и «до школы». Жизнь тогда была устроена совсем не так, как сейчас, и у всех были в деревне какие-нибудь двоюродные бабушки, тётки. И в этом смысле высокогорный Чегем ничем не отличался от таёжного села Сухая Емельяновского района Красноярского края, куда меня, обеспечив продуктами, родители отправляли на лето к бабе Насте, имевшей корову и сеновал. Я тоже все эти каникулы до деталей помню. Речка Кача, тогда ещё чистая, шанежки по утрам... Колхоз. Игра «в ремешки». Чтение. Грибы. Ягоды. Сено косить на лесной полянке. Но это — так называемая провинция. Я не знаю, как это всё было в Москве. Там, наверное, дачи снимали, откуда москвичам близких деревенских родственников набраться? Впрочем, и Фазиль этого не знал.

М.Г.: Москвичи и питерцы, даже если не брать нас, «понаехавших», имеют близкие корни в провинции, в деревне. Поэтому им понятно и дорого описание Искандером деревенско-городского детства. А кстати: Фазиль ведь поступать в Москву приехал в 1947 году, сразу после окончания школы. Так вот вопрос: если Фазиль поступил в школу ШЕСТИ ЛЕТ, то почему он окончил её только, когда ему уже исполнилось ВОСЕМНАДЦАТЬ?

Е.П.: Тогда в Сухуми, как и во всех союзных республиках (напомним, Абхазия была в составе Грузии) школьники учились 11 лет. А вот в России только 10 лет! К тому же Фазиль год пропустил из-за войны.

И ещё — он пишет в своей «автобиографии», приложенной к «делу», которое я лично обнаружил в архивах Литинститута (и материалы которого мы публикуем впервые), что учился в ТРЁХ сухумских школах. Номер 1, номер 2 и номер 4.

М.Г.: Вот ещё одно отличие реальности от созданного Искандером мира Мухуса: в рассказах о Чике речь идёт об одной, так сказать, обобщённой, художественно-осмысленной школе. И всё детство Фазиля мы видим также художественно переосмысленным. Это я из раза в раз повторяю самому себе, потому что велик соблазн увлечься именно той версией, которая содержится в искандеровской прозе!

Е.П.: О художественном осмыслении детства скажу вот что. Мне в «метропольские» годы как-то раз удалось на каком-то закрытом показе «для интеллигенции» посмотреть фильм Федерико Феллини «Амаркорд», и я взялся пересказывать то, что увидел, Фазилю. Тогда эту ленту «наши» ещё не купили, и Фазиль страшно завидовал мне. Он обожал Феллини, как и все мы. А я вот сейчас запоздало удивляюсь, почему никому киноведу не пришло в голову сравнить «Амаркорд» и раннюю прозу Фазиля? Между прочим Феллини старше Искандера всего лишь на 9 лет, практически это одно поколение. Меня мысль об их близости ещё тогда осенила, когда я рассказывал Фазилю о сумасшедшем феллиниевском дядюшке Тео, которого в «Амаркорде» родственники взяли из дурдома на пикник, а он там с кри-

ком «Хочу женщину» залез на дерево и решительно отказывался оттуда слезть, пока ему эту женщину не приведут. «Вылитый твой дядя Коля из Сухуми этот Тео», — сказал я тогда Фазилю, удивившись этому СОВПАДЕНИЮ МИРООЩУЩЕНИЙ. Фазиль меня внимательно слушал, но ничего мне тогда не ответил. До фильмов по его прозе было ещё далеко.

М.Г.: Действие «Амаркорда» ведь тоже вершится в тоталитарном государстве. Хотя слово «тоже» я беру обратно. Сравнить вообще ничего нельзя. Запад есть Запад, Кавказ есть Кавказ, и так далее (аллюзия на известное стихотворение Киплинга, которое, кстати, Искандер перевёл, и об этом переводе мы ещё поговорим). Но «совпадение мироощущений» действительно налицо. Про фильмы по Фазилю скажем отдельно, в одном из них, он даже снялся в эпизоде. Фильмы разные по уровню, но, честно говоря, не Феллини... Зато снималось всё это в Абхазии, так что сама фактура местности передаётся аудитории незамутнённо, без режиссёрских экзерсисов.

Е.П.: Вот такое было у Фазиля детство, такая РАННЯЯ МУДРОСТЬ. Ведь это он тогда, ещё ребёнком всё обдумал и лишь потом записал: «Вот так живёшь себе, живёшь, подумал Чик, и вдруг кто-то тебя убивает ни с того ни с сего. Он чувствовал, что жизнь от смерти отделяет слишком тонкая, слишком нежная плёнка. В этом была какая-то грустная несправедливость. Странно, что днём он этого никогда не чувствовал. Казалось, что днём жизнь защищена

от смерти солнечным светом, как апельсин толстой кожурой. Ночь отдирает от жизни её защитную, солнечную кожуру апельсина, и вот уже

тысячи враждебных сил готовы вонзиться в обнажённую мякоть жизни. Чик это чувствовал сейчас всем своим телом».